ПЕРВУШИНА Елена Александровна

доктор филол. наук, доцент, профессор кафедры русского языка как иностранного Восточного института – Школы региональных и международных исследований, ДВФУ (г. Владивосток)
Электронная почта: pervushina.ea@dvfu.ru

К вопросу о термине «переводная художественная литература»

УДК 82.091

doi: [dx.doi.org/10.24866/2542-1611/2019-2/30-38](https://doi.org/10.24866/2542-1611/2019-2/30-38)

*сравнительное
литературоведение,
мировая литература,
художественный
перевод,
переводная
литература*

В статье поднимается вопрос о необходимости уточнения категориально-понятийного статуса выражения «переводная художественная литература». В литературоведческом переводоведении важно признать, что переводная литература – не просто совокупность переведённых художественных текстов. Это особый литературный феномен, выполняющий концептуально важную миссию интеграции национальной словесности в мировой литературный контекст.

Концептуально важная для сравнительного литературоведения категория мировой (всемирной) литературы в настоящее время всё больше рассматривается в свете интегративных тенденций современного научного поиска. Остался в прошлом взгляд на мировую литературу как просто на совокупность всего созданного всеми национальными литературами во все времена. В массовом сознании не теряет своей привлекательности другое представление – всемирная литература как избранное, лучшее из того, что было создано в национальных литературах. Однако горизонты, открывшиеся и открываемые при изучении межкультурных связей и отношений, способствуют формированию нового подхода к феномену всемирной литературы. Она начинает видеться исторически развивающейся системной общностью взаимосвязанных и взаимно соотносимых литературных явлений, выявляющих основные закономерности органически единого мирового литературного процесса. Поэтому особенную актуальность приобрёл сейчас вопрос о том, каким образом происходит это единение.

Известный отечественный поэт, эссеист, литературовед, переводчик и переводовед Г. М. Кружков в своей книге «Ностальгия обелисков» нашёл удивительный поэтический образ устремлённости культур к такому единству. Название книги было навеяно автору воспоминанием об одноимённом стихотворном диптихе Т. Готье. В его основе – изумительный сюжет о двух знаменитых древнеегипетских памятниках времён фараона Рамзеса II, сделанных из каменного монолита и предназначенных быть единым ансамблем, украшающим вход в Луксорский храм. Однако волей обстоятельств обелиски были разлучены – один перевезли в Париж, другой остался в Луксоре. В стихотворении Готье памятники тоскуют друг по другу, поэтому парижский обелиск жаждет вернуться на роди-

Для цитирования:
Первушина Е. А. К вопросу о термине «переводная художественная литература» // Известия Восточного института. 2019. № 2. С. 30–38.
doi: [dx.doi.org/10.24866/2542-1611/2019-2/30-38](https://doi.org/10.24866/2542-1611/2019-2/30-38)

ну, а луксорский, напротив, мечтает перенестись в Париж. В данном сюжете, считает Кружков, заключён «мощный символ» – тоска по далёкому. Отдельные культуры, по его убеждению, тоже всегда тоскуют друг по другу, мечтая о возможности преодолеть существующие между ними барьеры [5, с. 11].

Современная культура всё активнее открывает возможности такого преодоления, и всемирная литература, о которой говорили ещё просветители, постепенно обретает черты более конкретно воспринимаемого эстетического явления. Одним из самых убедительных доказательств его реальности является переводная литература.

К сожалению, в литературоведческом переводоведении понятие «переводная литература» ещё не получило специального терминологически оформленного категориально-понятийного статуса. В «Толковом переводоведческом словаре» Л. Л. Нелюбина представлено только краткое определение переводного текста. Различая «*исходный текст*, предназначенный для перевода (его иногда называют *оригиналом* или *подлинником*), и переводной текст, полученный в результате перевода (другое его наименование *выходной текст*)», Нелюбин даёт определение последнему: «1. Текст, полученный в результате перевода. 2. Текст на ПЯ [переводящем языке – Е. П.]» [7, с. 148]. Понятно, что это определение сделано в русле лингвистической теории текста, задачами которой стало исследование связности и цельности вербального текста, в том числе текста художественного, обусловленность средств выражения его смысловой структуры. Переводоведы-лингвисты в принципе «сосредоточили свои усилия на изучении процесса перевода, построении его гипотетических моделей, сопоставлении текстов оригинала и перевода с целью установления лексических, грамматических и текстовых соответствий...» [3, с. 7]. Но подчеркнём ещё раз: в переводческом литературоведении, для которого главными являются аксиологические аспекты перевода, его эстетическое соответствие оригиналу и роль перевода в развитии духовной культуры, выражение «переводная литература» как специальный термин ещё не заявлено. Показательно, например, что в учебном пособии В. Р. Аминовой «Теоретические основы сравнительного и сопоставительного литературоведения» (Казань, 2014), где названы и определены национальная, региональная, зональная и мировая литературы, понятие «переводная литература» вообще отсутствует [1, с. 22–24].

В популярной электронной энциклопедии «Википедия» переводной литературой называют «совокупность текстов», первоначально написанных на одном языке, а потом переведённых на другой. Однако, это определение, на мой взгляд, трудно признать удовлетворительным из-за его узости. Даже случаи практического употребления указанного выражения показывают, что за ним стоит гораздо более широкий и более значимый смысл.

Например, у А. Н. Робинсона, представившего литературу Древней Руси в энциклопедическом издании «Истории всемирной литературы», когда он говорит, что уже с самого начала становления отечественной книжности переводная литература «обогащала древнерусскую литературу множеством религиозно-философских и социально-политических идей, историко-географических и естественнонаучных сведений, облегчала русским книжникам освоение традиционных для всего средневековья жанров, распространённых сюжетов, эстетических представлений» [11, с. 417]. Благодаря переводной литературе переводимые произведения выходят за границы

своего национального контекста, расширяя таким образом сферу своего социокультурного бытования и усиливая свою значимость в мировой культуре. Выдающийся русский учёный М. М. Бахтин говорил, что «чужая культура – только в глазах другой культуры раскрывает себя полнее и глубже... Один смысл раскрывает свои глубины, встретившись и соприкоснувшись с другим, чужим смыслом: между ними начинается как бы диалог, который преодолевает замкнутость и одно-сторонность этих смыслов, этих культур...» [2, с. 334–335]. Благодаря переводной литературе заметно обогащается и переводящая словесность, развиваясь во вдохновляющей перспективе международного творческого контекста и осваивая таким образом новые художественные идеи, сюжеты, жанры, стилевые системы. Литературные переводы активно выявляют и удовлетворяют эстетические потребности принимающей культуры. В результате переводная словесность принимающей страны заметно раздвигает горизонты читательской культуры.

Как видим, речь идёт не просто о совокупности текстов, а именно об особом явлении в литературе, выполняющем концептуально важную миссию интеграции национальной словесности в мировой литературный контекст. Поэтому выражение «переводная литература» должно приобрести силу и смысл специального методологически важного в литературоведческом переводоведении термина. Остановлюсь на обосновании своего глубокого убеждения в его необходимости. Для этого, конечно, надо говорить о своеобразии переводной литературы.

Первый вопрос, определяющий особый характер переводной литературы, – вопрос о том, надо ли рассматривать её в контексте переводимой словесности, либо это явление словесности принимающей. С одной стороны, ещё в XIX в. было высказано широко распространённое впоследствии убеждение в том, что произведения, переведённые на русский язык, несомненно, принадлежат русской литературе. Поэтому многими деятелями русской культуры переводная литература осознавалась несомненным явлением отечественного литературного процесса и Е. Г. Эткинд имел все основания сказать, что в XX в. «наступила эпоха..., когда переводчики-профессионалы, даже если они и не пишут оригинальных стихов, считают себя участниками единого процесса – развития русской национальной культуры» [17, с. 9].

С другой стороны, оставалось несомненным и то, что оригинал по отношению к его переводу всегда сохранял первичность, а следовательно, и приоритетность исходной национальной принадлежности. Поэтому высказывалось и противоположное убеждение: переведённое произведение должно рассматриваться как явление оригинальной, переводимой литературы. Творения Шекспира, переведённые на другой язык, полагал А. В. Дружинин, всё равно останутся творениями Шекспира. Это убеждение остаётся неизменным в эдической практике: на обложках книг, в которых печатаются русскоязычные переводы зарубежных писателей, авторами всегда обозначаются именно они, а вовсе не создатели переводных текстов. Конечно, влиятельную значимость при этом имела уверенность в том, что переводу должны подлежать только те авторы и те произведения, высокая эстетическая ценность которых несомненна. Тогда в лучах бессмертной славы по-

добных шедевров имя переводчика меркло как не заслуживающее внимания из-за несопоставимости его с наследием великого мастера, который и в переводном тексте оставался таковым.

Однако на рубеже XX и XXI столетий начало формироваться новое отношение к феномену переводной литературы. Так, Р. Р. Чайковский, полагая, что вопрос о статусе переводной литературы должен быть решён в соответствии с её онтологической природой, чётко сформулировал: «С возникновением художественного перевода начинают существовать три литературы: национальная литература исходного языка, переводная литература и литература принимающего языка (т. е. вторая национальная литература). Переводная литература, следовательно, предстаёт в виде некоей третьей литературы» [13, с. 43–44]. О третьем литературном пространстве, создаваемом переводами, говорили и другие специалисты. Правда, на наш взгляд, возникает некоторое сомнение относительно слова «третья» в формулировке «третья литература». Оттенок перечислительности в данном выражении может быть воспринят как указание либо на третьестепенность называемой литературы, либо на однородность перечисляемых литератур. Эти смысловые нюансы не могут коррелировать с представлением о значимости и специфике переводной литературы, принципиально отличающейся и от переводимой, и от переводящей словесностей.

Важнейшая отличительная особенность переводной литературы, обусловлена интерпретационной и трансформирующей природой самого литературного перевода. Ушли в прошлое позиции нормативно-предписывающего переводоведения, пытавшегося направить исследователей на поиски идеального, а потому и окончательного перевода. Стало понятно, что никакой литературный перевод не может быть идеальным и окончательным, поскольку он, как формулирует Ю. Л. Оболенская, «представляет собой сообщение, пересказанное другим субъектом, другому адресату в другой ситуации» [8, с. 567]. Это всегда чьё-то новое прочтение оригинального произведения, неизбежно трансформирующее его. Но если оригинал имеет непреходящую художественную ценность и, соответственно, высокий индекс политекстуальности, а принимающая словесность – богатые рецептивные возможности, может появиться не одно, а множество таких прочтений. Поэтому возникает устремлённость переводной литературы к широкой вариативности новых переводческих версий. Они возникают не только в новых исторических обстоятельствах в связи с неизбежным устареванием всякого перевода и потребностью в новом, но и в разнообразии одновременных переводных вариантов, рождаемых по законам неисчерпаемости «второго», т. е. воспринимающего сознания, о которых в своё время говорил М. М. Бахтин. Поистине феноменальным результатом такой системы стимулирующих взаимосвязей оригинала и перевода – «бесконечности против бесконечности», как говорил Бахтин, – стало явление переводной множественности.

Одним из первых о переводной множественности заговорил известный испанский философ Х. Ортега-и-Гассет. Уверенный в том, что в большинстве случаев невозможно приблизиться к оригиналу во всех измерениях, он писал в эссе «Нищета и блеск перевода»: «И если я раньше говорил, что каждое произведение неповторимо, а перевод лишь оружие, приближающее нас к нему, то из этого следует, что

один и тот же текст допускает несколько переводов» [9, с. 539–540]. Примерно тогда же один из основоположников отечественной теории перевода А. В. Фёдоров, именем которого назван центр переводоведения в Санкт-Петербургском госуниверситете, утверждал, что одно и то же произведение может существовать в нескольких переводах. В начале 1960-х гг. известный деятель в области художественного перевода В. Е. Шор ввёл в научный оборот сам термин «переводная множественность» [16, с. 539–540]. Спустя десятилетие о явлении переводной множественности уверенно заявил авторитетный специалист в области международных связей русской литературы Ю. Д. Левин. Впоследствии изучение данного вопроса активно продолжилось. Показательно, что в настоящее время понятие переводной множественности рассматривается уже и в научно-методической литературе [13].

Таким образом, переводная литература становится всё более активно изучаемым предметом сравнительного литературоведения, что в немалой степени способствует совершенствованию его методологических позиций. Так, ещё в прошлом столетии один из создателей сравнительно-исторического метода изучения мировой литературы В. М. Жирмунский говорил о необходимости преодоления методологической ограниченности литературоведческой компаративистики, вследствие которой «всеобщая литература ... рассматривается как сумма параллельных фактов из области национальных литератур, а литературные связи и взаимодействия превращаются в ряд эмпирических встреч между писателями...» [4, с. 129]. Жирмунский призывал к отказу от подобной узкофактографичности и поиску новых аналитических принципов. Обратив внимание на то, что межлитературные связи происходят часто благодаря переводам, учёный усмотрел возможности этих принципов в переводоведческих исследованиях, указав на важность концептуально продуманного выбора анализируемых переводных произведений и предпочтение «переводов творческих, приспособляющих заимствованный образец к идейным запросам и потребностям заимствующей литературы и к местным литературным традициям» [4, с. 139–140].

Позднее, на рубеже XX и XXI вв., П. М. Топер писал о недостаточности наиболее простого и само собой разумеющегося направления в переводоведческом изучении «влияний одного писателя на другого, иноязычного» и о необходимости рецептивного исследования восприятия и функционирования переводных произведений. Рассуждая об аксиологии перевода как основного канала межъязыкового литературного взаимодействия и о месте этого перевода в системе сравнительного литературоведения, учёный, используя термины, введённые В. М. Жирмунским, заявил: «Речь должна идти о широком взгляде на переводческую деятельность под углом зрения как “контактных связей”, так и “типологических схождений”, которые представляют собой два аспекта одного исторического явления в рамках “международных литературных взаимодействий”». Современный уровень переводоведческой науки, по мнению Топера, «подразумевает понимание переводов как особого “слоя” художественных произведений, занимающих вполне определённое место в системе литературных взаимоотношений, со своими характеристиками, типологическими свойствами, законами функционирования и т. д., связанными с

их «двойной» принадлежностью и возникновением «на стыке» двух разных культур» [12, с. 16–17]. Очевидно, что этим особым слоем и является переводная литература.

В настоящее время уже наметились различные исследовательские направления в изучении её специфических особенностей [Об этом см.: 10, 6]. Напомним об одном из наиболее состоявшихся и конструктивных из этих направлений. Оно определено важнейшим вопросом науки о художественном переводе – вопросом о критериях в определениях уровня соответствия переводного произведения оригиналу. Для литературоведов, которые «основное внимание уделяли аксиологическим аспектам перевода, ...стремясь оценивать перевод с точки зрения его эстетической эквивалентности оригиналу и соответствия нравственным потребностям эпохи, а также роли переводов в развитии духовной культуры» [3, с. 129], наиболее значимой в этом плане стала категория «адекватности перевода». Отказ от методов нормативно-предписывающего переводоведения и усиление его рецептивно-функциональных позиций стимулировали возрастающий исследовательский интерес к проблеме типологии литературных переводов. «Пришла, несомненно, пора прекратить бесполезные попытки указывать переводчикам, как надо переводить, – заявил Р. Р. Чайковский. – Необходимо вместо этого исходить из реальностей переводческого ремесла и взамен предписаний и инструкций предложить типологию видов текстов» [14, с. 54].

В монографии «Реальности художественного перевода» [14] Чайковский выполнил обстоятельный обзор зарубежных и отечественных работ, посвящённых указанной проблеме, и впервые продемонстрировал разработанную им типологию поэтических переводов. В 2008 г. он представил её на страницах своего учебного пособия «Основы художественного перевода», а в 2013 г. в новом учебном пособии, написанном в соавторстве с Е. Л. Лысенковой, появился усовершенствованный вариант этой типологии [15].

Отдельный комплекс ещё не освоенных проблем возникает в связи с изучением переводной литературы не только как таковой, но переводной литературы конкретной принимающей страны. Деятельно отвечая на её эстетические интересы и рецептивные художественные запросы, эта переводная литература в большой мере влияет на развитие литературного процесса в своей стране. Конечно, национальная переводная литература рождается в результате переводческого перевос-создания различных инокультурных и разноразличных художественных произведений, но при этом важно осознать и её особое системное единство, определённое её существованием в культурном контексте принявшей её страны и на её языке. Огромный интерес представляет история национальной переводной литературы, развивающейся под несомненным влиянием и переводимой, и собственной литератур, но отнюдь не повторяющей истории ни литературы-импортера, ни литературы-реципиента. Более пристального и систематизирующего исследовательского внимания заслуживают культурно-исторические факторы, определяющие переводческие предпочтения в выборе эпох, языков, жанров, авторов и др. Наконец, поскольку переводная литература в огромной мере формирует в национальном культурном сознании представление о мировой литературе, очень важно изучать

много- и разнообразие национальных традиций, воспроизведённых в национальной переводной словесности.

Переводная литература в России стала впечатляющим доказательством креативной открытости отечественной культуры процессу межкультурного диалогизма, ведь созидательная сила русского литературного языка была явлена миру не только в отечественных шедеврах, но и в переведённых произведениях. Конечно, эти процессы происходили под влиянием целого ряда социокультурных обстоятельств, основательно описанных в многочисленных исследованиях культурных связей России с миром. В первую очередь, в ряду этих контактов по многим причинам выделялись европейские страны. Связи с ними изучались особенно активно во время расцвета европоцентристских идей, согласно которым Европа воспринималась центром всей мировой культуры. Однако не менее значимыми оказались и русско-восточные культурные отношения. Их современному изучению способствовало развитие постмодернистского принципа децентрализма. В соответствии с ним провозглашался отказ от традиционной западной «логоцентрической» традиции, предполагавшей европейскую социальную практику непрерываемым критерием в оценке других видов культуры. Соответственно, в культурологии наметились «отказ от принципа оппозиционного различия «центра» и «периферии» и отстаивание идеи сосуществования множества не тождественных друг другу, но равноправных элементов различных структур» [1, с. 28]. В результате научные подходы к изучению культурного наследия Востока приобретали новую направленность.

Таким образом, суммируя выводы о своеобразии переводной литературы, мы признаём значимую категориальную весомость данного литературного явления и необходимость соответственного обозначения его в терминологической системе литературоведческого перевода. Конечно, обращение к данной проблематике требует более обстоятельных и более развернутых аргументов и обзоров научных позиций, в том числе зарубежных, и соответственно – более раздвинутых исследовательских рамок для проблемной постановки вопроса о переводной литературе. Тем не менее уже сейчас я решаюсь обозначить несомненные, на мой взгляд, составляющие в дефиниции этого явления. Прежде всего, в литературоведческом исследовании необходимо говорить не просто *о совокупности текстов*, «первоначально написанных на одном языке, а потом переведённых на другой», как ранее заявляла я сама [10, с. 34]. Принципиально важно подчеркнуть, что речь должна идти именно *о переводной литературе*. Изначально созданная одной национальной культурой на языке этой культуры, воспроизведенная в результате переводческой интерпретации в недрах и на языке другой национальной культуры, переводная литература занимает своё особое место в системном соотношении переводимой (исходной) и переводящей (принимавшей) словесностей. Интегрирующая национальные литературы в мировой литературный процесс, переводная литература выполняет таким образом грандиозную онтологическую функцию, являясь реальным примером феноменального сосуществования национальных литератур в мировом художественном контексте.

Литература

1. Аминева В. Р. Теоретические основы сравнительного и сопоставительного литературоведения: учеб. пособие. – Казань: Казан. ун-т, 2014. 105 с.
2. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчество. – М.: Искусство, 1979. 424 с.
3. Виноградов В. С. Перевод. Общие и лексические вопросы. – М.: КДУ, 2004. 240 с.
4. Жирмунский В. М. Сравнительное литературоведение. Восток и Запад. – Л.: Наука, 1979. 494 с.
5. Кружков Г. Ностальгия обелисков. Литературные мечтания. – М.: Новое литературное обозрение, 2001. 704 с.
6. Лю Чжицян, Первушина Е. А. Заветная звезда Леонида Черкаского: о переводах китайских поэтов первой трети XX века: монография. – Владивосток: Изд-во ДВФУ, 2019. 164 с.
7. Нелюбин Л. Л. Толковый переводоведческий словарь. – М.: Флинта: Наука, 2003. 320 с.
8. Оболенская Ю. Л. Перевод как форма взаимодействия литератур // Введение в литературоведение / под ред. Л. В. Чернец. – М.: Высш. шк., 2004. С. 562–574.
9. Ортега-и-Гассет Х. Нищета и блеск перевода // Ортега-и-Гассет Х. Дегуманизация искусства. – М.: Радуга, 1991. С. 518–542.
10. Первушина Е. А. Сонеты Шекспира в России: переводческая рецепция XIX–XXI вв.: монография. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2010. 354 с.
11. Робинсон А. Н. Литература Древней Руси // История всемирной литературы. В 9 т. Т. 2. – М.: Наука, 1984. С. 408–437.
12. Топер П. М. Перевод в системе сравнительного литературоведения. – М.: Наследие, 2001. 252 с.
13. Чайковский Р. Р. Основы художественного перевода. – Магадан: Изд-во СВГУ, 2008. 182 с.
14. Чайковский Р. Р. Реальности поэтического перевода (типологические и социологические аспекты). – Магадан: Кордис, 1997. 197 с.
15. Чайковский Р. Р.; Лысенкова Е. Л. Перевод поэзии: типология и множественность. – М.: ИИУ МГОУ, 2013. 194 с.
16. Шор В. Е. Опыт многообразного решения одной переводческой задачи // Мастерство перевода 1962. – М.: Сов. писатель, 1963. С. 447–484.
17. Эткинд Е. Г. Поэзия и перевод. – М.; Л.: Сов. писатель. 1963. 429 с.

Elena A. PERVUSHINA

Ph. D. (in Philology), Professor, Department of Russian as Foreign Language, Oriental Institute – School of Regional and International Studies, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia)
E-mail: pervushina.ea@dvfu.ru

On the Issue of the Term "Translated Literature"

UDC 82.091

doi: dx.doi.org/10.24866/2542-1611/2019-2/30-38

The article deals with the necessity to recognize the term «translated literature» as the name of a peculiar kind of artistic phenomenon in literature. Such a name should not be considered as the synonym to the term “literary translation”. The definition of translated literature adopted in linguistics as a set of texts translated from another language does not reflect the literary view of this phenomenon. It has a special and independent place in the ratio of “original” and “receiving” literatures. The artistic nature of «translated literature», striving to continuously update and renew translation solutions is really unique. Translated literature has a crucial ontological function of the national literature integration in the global literary context.

*comparative literary study,
world literature,
literary translation,
translated literature*

For citation: Pervushina E. A. On the issue of the term "translated literature" // Oriental Institute Journal. 2019. № 2. P. 30–38. doi: dx.doi.org/10.24866/2542-1611/2019-2/30-38

References

1. Amineva V. R. Teoreticheskie osnovy sravnitel'nogo i sopostavitel'nogo literaturovedeniya: ucheb. posobie. – Kazan': Kazan. un-t, 2014. 105 s.
2. Bakhtin M. M. EHstetika slovesnogo tvorchestvo. – M.: Iskusstvo, 1979. 424 s.
3. Vinogradov V. S. Perevod. Obshhie i leksicheskie voprosy. – M.: KDU, 2004. 240 s.
4. ZHirmunskij V. M. Sravnitel'noe literaturovedenie. Vostok i Zapad. – L.: Nauka, 1979. 494 s.
5. Kruzhkov G. Nostal'giya obeliskov. Literaturnye mechtaniya. – M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2001. 704 s.
6. Lyu CHzhitsyan, Pervushina E. A. Zavetnaya zvezda Leonida CHERkasskogo: o perevodakh kitajskikh pohtov pervoj treti XX veka: monografiya. – Vladivostok: Izd-vo DVFU, 2019. 164 s.
7. Nelyubin L. L. Tolkovyj perevodovedcheskij slovar'. – M.: Flinta: Nauka, 2003. 320 s.
8. Obolenskaya YU. L. Perevod kak forma vzaimodejstviya literatur // Vvedenie v literaturovedenie / pod red. L. V. CHernets. – M.: Vyssh. shk., 2004. S. 562–574.
9. Ortega-i-Gasset KH. Nishheta i blesk perevoda // Ortega-i-Gasset KH. Degumanizatsiya iskusstva. – M.: Raduga, 1991. S. 518–542.
10. Pervushina E. A. Sonety SHEkspira v Rossii: perevodcheskaya retseptsiya XIX–XXI vv.: monografiya. – Vladivostok: Izd-vo Dal'nevost. un-ta, 2010. 354 s.
11. Robinson A. N. Literatura Drevnej Rusi // Istoriya vseмирnoy literatury. V 9 t. T. 2. – M.: Nauka, 1984. S. 408–437.
12. Toper P. M. Perevod v sisteme sravnitel'nogo literaturovedeniya. – M.: Nasledie, 2001. 252 s.
13. CHajkovskij R. R. Osnovy khudozhestvennogo perevoda. – Magadan: Izd-vo SVGU, 2008. 182 s.
14. CHajkovskij R. R. Real'nosti poehticheskogo perevoda (tipologicheskie i sotsiologicheskie aspekty). – Magadan: Kordis, 1997. 197 s.
15. CHajkovskij R. R.; Lysenkova E. L. Perevod poehzii: tipologiya i mnozhestvennost'. – M.: IIU MGOU, 2013. 194 s.
16. SHor V. E. Opyt mnogoobraznogo resheniya odnoj perevodcheskoj zadachi // Masterstvo perevoda 1962. – M.: Sov. pisatel', 1963. S. 447–484.
17. EHtkind E. G. Poehziya i perevod. – M.; L.: Sov. pisatel'. 1963. 429 c.